

ПРОБЛЕМА ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Научный руководитель – канд. филос. наук, доцент Леона А.В.

Сибирский федеральный университет

Военное образование, как и образовательная система в целом, довольно чутко реагирует на различного рода социальные кризисы и потрясения. Более того, она может одновременно являться и причиной и следствием деформаций в обществе, поскольку охватывает собой значительную часть населения. Причем последствия кризиса образовательной сферы во многом превосходят экономическую и другие отрасли, поскольку могут проявляться через поколения, что актуализирует проблему взаимоотношений в системе «военное образование – история».

Военное образование в современной России детерминировано следующими принципиальными факторами:

Во-первых, нарушением баланса равновеликого противостояния, который возник в результате прекращения деятельности Организации Варшавского Договора и привел к потере стратегического вектора в воспитании российских военных.

Во-вторых, глобальные тенденции, в частности, объединение Европы, изменили не только соотношение сил, но и принципиальное представление о потенциальном противнике: вступившие в НАТО Болгария, Чехия, Словения и Словакия не могут, к сожалению, в перспективе выступить в этой роли.

В-третьих, изменение методов ведения войны, когда они все более смещаются в сторону психологического фактора, требует не только технически образованных выпускников военных вузов, но и способных противостоять гуманитарному давлению. Как справедливо отмечает Н.А. Нарочницкая: «Громадная территория, внушительная экономика, военная мощь и даже ядерное оружие, как показали недавние унижения России, мало стоят сами по себе. Ибо материя без духа не способна творить историю».

В-четвертых, реформирования российского образования, с одной стороны, и Вооруженных сил, с другой, происходящие зачастую по Западному образцу и без учета традиционной системы ценностей Российского общества, обуславливают необходимость формирования личности военнослужащего с целым рядом базовых исторических категорий, что позволит сохранить национальную самоидентичность.

Мы исходим из того, что природа и общество подчиняются одним и тем же фундаментальным законам, что общество является элементом биосферы и изучать его в отрыве от развития всей системы в целом некорректно с научной точки зрения, то значит, возникает возможность не только усилить аргументацию научности Истории (т. е. выявления в историческом процессе определенных закономерностей), но и предвосхищать, сознательно выбирать будущее. Это во многом объясняет сущность и перспективы современной военной образовательной системы России. В данной связи нельзя не согласиться с академиком Н.Н. Моисеевым, который писал: «И впредь общество будет развиваться в силу общих законов самоорганизации нашего мира, ибо Человек не в состоянии сделать этот процесс управляемым. Но такое утверждение вовсе не означает, что он не способен целенаправленно вмешиваться в процессы общественного развития. На протяжении всей своей истории люди устанавливали определенные табу, утверждали законы, в обществе возникали те или иные принципы, которые существенно меняли

характер исторического процесса. Это не делало развитие человечества управляемым, но придавало ему известную направленность, как бы ограничивая реку эволюции определенными берегами». Анализируя современные глобальные процессы, А. С. Панарин утверждает даже, что раньше история выступала как жизнь, безыскусная и спонтанная, а теперь она все больше предстает как проект, противопоставляющий сознательно затребованный человечеством разворот событий стихийной спонтанности природы. Все это основательным образом сказывается на образовательной системе, поскольку она оказывается одним из самых чутких социальных институтов, зависящих от социально-исторического времени, и в большей степени на военном образовании, как наиболее консервативном.

Многие современные ученые полагают, что переход человечества от индустриально-потребительской цивилизации к постиндустриально-информационному цивилизационному суперциклу сопряжен с «осевым временем». Оно понимается как великое противостояние социальной действительности, по всем признакам приближающейся к катастрофе, и культуры, которая призвана обеспечивать благополучный ход общественного развития, но вдруг оказалась неспособной снабжать общество достойными ответами на «вызовы истории». Военная образовательная сфера должна сыграть принципиальную роль в решении проблем, связанных с различными общественными трансформациями.

Ответом на «вызовы истории» может быть качественное совершенствование моральной культуры общества и дальнейшее наращивание им познавательных средств, позволяющих все более полно отражать сущность вещей с их позитивными и негативными для человека свойствами. Различия же связаны с особенностями современности. Во-первых, сегодняшние исторические вызовы имеют двойной контекст: социальный (деструктивная напряженность между богатым Севером и бедным Югом, мировым Городом и мировой Деревней; нарастание борьбы за источники сырья, рынки сбыта, сферы инвестиций) и экологический (острокризисная ситуация во взаимоотношениях элементов системы «человек – общество – природа»). Во-вторых, современный «вызов истории» в обоих своих контекстах носит планетарный характер и поэтому предполагает перемены в культуре не только на микро- и макроуровнях, но и на мегауровне, в масштабах планеты в целом. Иначе вряд ли можно будет достичь требуемых для ответа общечеловеческой солидарности единых действий всех людей и индивидуально-персональной ответственности каждого из них за общую судьбу. Подобный вектор деятельности формируется уже на уровне образовательной системы, которая создает мировоззрение подрастающего поколения.

Постиндустриальный мир возникает на пересечении двух феноменов современного мира – исторической потребности сбалансировать отношения в системе «человек – общество – природа», чтобы избежать реально проглядывающего в недалекой перспективе экологического кризиса, и возможностей, которыми располагает человечество для этого, если исходить из неприемлемости возможного антикультурного регресса. Постиндустриальное общество в этой связи должно являться не просто социальной общностью, следующей за индустриальной цивилизацией или же «вытесняющей» ее из истории. Речь идет о возникновении «новой культуры», постепенно меняющей весь облик и производственной, и духовной сфер жизни человека, о «новой парадигме развития». Она нередко раскрывается через формулу коэволюции человека, его социальных образований и природы. Эта концепция с каждым днем привлекает все большее внимание современной науки в связи с тем, что наш мир оказался перед чрезвычайно трудной для разрешения дилеммой:

- либо, признав, что имеющихся ресурсов планеты не хватает для превращения стандартов западного образа жизни в универсальные, решиться отдать все ресурсы

Западу с тем, чтобы он успел создать для себя искусственный мир прежде, чем захлопнется «экологический капкан»;

- либо, свершив духовную революцию, осуществить всеобщие преобразования ценностного типа и таким образом открыть перспективу развития для всех, а не только западных, обществ.

Для всей предшествующей истории человеческих обществ было характерно относительное обилие ресурсов на планете, достаточное для того, чтобы, совершенствуя способы производства средств существования и трансформируя среду обитания, человек сам не изменялся, оставаясь все тем же по биопсихической природе существом. Новая ситуация в отношениях триады «человек – общество – природа» ставит проблему весьма радикально: разрешение планетарного экологического кризиса становится реальным только при изменении самого человека, в первую очередь его ценностных ориентации.

На военное образование большое влияние оказывает также и тот фактор, что в современном мире свершается крупнейшая социокультурная катастрофа. Она связана с утратой единой общечеловеческой перспективы: человечество разделилось на постиндустриальное меньшинство («золотой миллиард»), которое успевает войти в процветающее информационное общество, в то время как для доиндустриального большинства такая возможность закрывается навсегда. Таким образом, речь идет не столько о конфликте цивилизаций, сколько о конфликте стран Запада с остальным человечеством.

Проблемы военного образования как отражение исторических трансформаций проявляются также в том, что постиндустриальная перспектива развития человечества может разворачиваться в двух направлениях. С одной стороны, возможно простое продолжение технической цивилизации, только на более рафинированной технологической основе, что, однако, не приведет к преодолению изъянов потребительской сущности, к восстановлению единой судьбы человечества. С другой стороны, есть возможность поворота гуманитарного типа, совершенного человечеством и касающегося не столько средств производства, сколько смыслов жизни, приоритетов, идеалов и ценностей человека. Только в этом последнем случае открывается возможность нового соединения западной идеологии постиндустриализма со всеми изгоями и неудачниками технического века, лишь в такой перспективе станет возможным «союз постэкономического человека наиболее развитых стран мира с доэкономическим человеком еще невестернизированного Востока».

Принято говорить о новой парадигме развития, несущей с собой новую стратегию концентрации усилий человечества по созиданию собственного будущего, что предполагает новые подходы к военной образовательной системе. В действительности же, вряд ли можно к преимущественно стихийной истории, характерной для всего предшествующего периода развития человека, применять понятие «стратегия». Человечество, переходя от одной стадии развития к другой достаточно стихийно, до недавнего времени не ставило перед собой, да и не могло ставить из-за своей слабости каких-то общих целей развития и тем более – в долговременной стратегической перспективе. И только в последние десятилетия XX–начала XXI века люди в интересах собственного выживания были вынуждены обратиться к прогнозированию своего будущего и сознательному, рационально обусловленному выбору наиболее приемлемых и реализуемых его вариантов, что проявляется, в частности, в образовательной системе любого общества. В этой связи меняется предназначение теорий, в которых предпринимаются попытки анализа и обобщения исторического бытия народов и всего человечества. Новые модели идеи и концепции выдвигаются не столько для того, чтобы оспорить прежние или обозначить

рубежи непознанного, сколько в качестве самостоятельной ценности, комплекса научно аргументированных идей, формы исторической ориентации современного общества. В них превалирует стремление к поиску масштабов, границ применимости выдвигаемых теоретических моделей, связанных с определенными проектами развития цивилизаций на локальном и глобальном уровнях. Познание и развитие истории оказываются в таком случае двумя сторонами одного и того же процесса. В соответствии со своими познавательными нуждами современная историческая теория возвращает из забвения и восстанавливает научную ценность элементов самых разных теорий истории. Как считает академик В. С. Степин, переход от одного этапа развития науки к другому «не отбрасывает предшествующих достижений, а только очерчивает сферу... их применимости к определенным типам задач». Подобный подход в полной мере затрагивает и систему образования.

Обзор и анализ основных теорий и концепций истории в разные времена воссоздававших и интерпретировавших содержание смысл, направленность исторического процесса позволяет сформулировать ряд новых суждений, которые могут содействовать более точному определению места образования в мировом историческом потоке на фоне феноменов универсализации и глобализации:

- современные исторические теории, имеющие дело с продвигающимся ко все большей целостности миром, восстановили в их научных правах и вывели на передний край познания истории случайность, необратимость, нелинейность, цикличность, волнообразность, спиралевидность, бифуркационность, стохастичность, многообразность, которые используются для анализа и характеристики мирового исторического процесса;

- современная история исходит из научно установленной общей тенденции (ее можно рассматривать и как закономерность развития человечества), что по мере удаления человека от истоков образования роль и значение духовных факторов в его судьбе и развитии постоянно возрастает;

- историческое знание, накопленное современной наукой, позволяет констатировать научную некорректность представлений об истории как о легендарной Лете, в водах которой омывается и таким образом очищается от всего прошлого, традиционного настоящего, которому, в свою очередь, через такую же процедуру предстоит превратиться в будущее;

- история хранит бесценный опыт развития человеческого общества не только и даже не столько для того, чтобы на своих уроках учить мудрости новые поколения людей. В момент очередной бифуркации она выставляет в виде веера альтернатив развития не только те возможности, что соответствуют логике предыдущих выборов, но и те из них, мимо которых человек в свое время прошел, и те, потенциал которых не был в свое время использован до конца.

- история не повторяется и не возвращается назад, но она способна на радикальные повороты.

Человек, познавая мир при помощи военной образовательной сферы, становится субъектом, творящим историю, ибо развитие общества предоставляет ему свободу выбора, по крайней мере, из нескольких возможных альтернатив будущего. Веер альтернатив, сама возможность выбора невелики в периоды относительной стабильности, но этот веер широко распахивается в переломные периоды, когда происходит переход к новому этапу общественного развития. При этом возрастает и риск неудачи при ошибочном выборе, в связи с чем развитие человеческого общества – не прямая линия, не бесп проблемное восхождение к очередной вершине исторического прогресса, а зигзагообразное, нередко отклоняющееся от магистрального пути и теряющее целые пласты культурного наследия движение.

Пока человечество будет продолжать создавать «вторую природу», свой искусственный мир, свою цивилизацию посредством образования, т. е. пока человечество живо, история и ее продукт в виде цивилизации не могут иметь конца, в принципе. Не случайно грустна и уныла перспектива существования людей после «конца истории», которую рисовал Ф. Фукуяма: «Конец истории печален, – пишет этот автор, реанимировавший идею Гегеля в современных условиях. – Борьба за признание, готовность рисковать жизнью ради чисто абстрактной идеи и идеологическая борьба, требующая отваги, – вместо всего этого – экономический рост, бесконечные технические проблемы, забота об экологии и удовлетворение изощренных запросов потребителя. В постисторический период нет ни искусства, ни философии; есть лишь тщательно оберегаемый музей человеческой истории». Но концепция «конца истории» не может считаться общепризнанным кредо всей западной науки и культуры, многие направления которых ведут поиск альтернатив собственного развития, учитывавших бы факт многообразия современного мира и опыт развития других цивилизаций, не абсолютизируя значение «европеизма» в мировой истории.

Современная военная образовательная система постепенно приобретает новые качества в связи тем, что глобализация, которая может быть квалифицирована как процесс распространения на земном шаре ценностей и целей постиндустриального развития, приходит на смену универсализму индустриальной цивилизации, пытавшейся унифицировать на западный манер весь мир. Она создает новую, транснациональную сферу жизни человечества, надстраиваемую над межгосударственными отношениями, отвоевывающую у национальных государств некоторые из их важных функций, ограничивающую их суверенитет и влияние на процессы исторического развития.

Обновленное военное образование должно сыграть одну из главных ролей в обеспечении устойчивого развития российского общества – общества с высоким уровнем жизни, гражданско-правовой, профессиональной и бытовой культурой. Для реализации современных социальных требований к системе военного образования, повышения ее социальной роли необходимы, с одной стороны, модернизация самой системы военного образования, а с другой – изменение отношения государства, общества и личности к военному образованию.